

ГЛАВА 1

*В которой Алексея Еремеенко принимают
за геолога, а толстушка Карина строит планы
на будущее*

За окнами вагона наконец сгустилась темнота. В родных краях, откуда прибыл на срочную службу сержант Еремеенко, солнце, как всюду на юге, садится летом в полдевятого, не позже, а не в одиннадцать часов вечера. Первое время, в подмосковной учебке, к поздним закатам и светлым ночам пришлось привыкать. Особенно к тому, что над северным горизонтом небо вообще не чернело всю ночь, а отливало оттенками расплавленного янтаря. Но теперь, по мере удаления поезда на юг, жизнь возвращалась в прежнее русло.

Забравшись на верхнюю боковую полку плацкарта, Еремеенко пялился на проплывающие за окном фонари и на собственное отражение в стекле. Несмотря на легкое недомогание, он улыбался. Чего стоит дурацкая простуда, подхваченная под вентиляцией в бункере, в сравнении с вновь обретенной свободой? Мелочи. Судя по позывам к влажному кашлю и отсутствию гриппозной ломоты в суставах, инфекция развивалась бактериальная, а не вирусная, что

Андрей Звонков, Дмитрий Янковский

побудило Еремеенко купить в вокзальном аптечном пункте бисептол. Мама всегда его лечила бисептолом, и сержант в него верил. После приема таблеток состояние не то чтобы стабилизировалось, но как-то внутренне стало спокойнее и появилась надежда, что к утру простуда пройдет и вовсе.

Впрочем, мысли его куда больше были заняты перспективами гражданской жизни, чем простудой. Правду ведь говорят, что чем труднее дается достижение цели, тем больше радости оно приносит. Уволился Еремеенко не сразу. Пришлось понервничать. Мало того что он демобилизовался последним из своего призыва, так еще и полковник Бражников уговорил его задержаться в части на три дня¹. Хорошо, не бесплатно. За так и не имело бы смысла оставаться, не только отдавая долгожданную свободу от дисциплины и устава, но и рискуя нажать неприятности.

Некоторые дембеля стараются разукрасить форму, в которой увольняются, плетут аксельбанты из парашютных строп, вытачивают из акрила неуставные лычки и занимаются прочей фигней. Сам он на это время не тратил, прекрасно понимая, что никакой радости эти побрякушки дома не принесут и навсегда будут похоронены в кладовке. Вместо этого он намного усерднее, чем другие, изучал воинскую профессию и смежные дисциплины — радиотехнику, цифровую электронику, системы очистки и охлаждения воздуха. Внутренним чутьем и здравым смыслом понимая, что навыки, обретенные на службе, он нигде и никогда не получит, а вот пригодиться они могут и на гражданке. За это его ценил полковник Бражников и прилагал усилия, чтобы сделать службу сержанта менее насыщенной покраской заборов и подметанием плаца, зато более эффективной.

¹ Об этих событиях читайте в романе А. Звонкова и Д. Янковского «Не время умирать».

Чумной поезд

От военной формы Еремееenko избавился еще на вокзале, сразу после посещения коменданта. Зашел в туалет, там упаковал мундир в дорожную сумку, а взамен натянул купленные джинсы, черную футболку с изображением мультяшного удава, а поверх нее серую жилетку с большим количеством карманов. Ему нравилось прозвище, которым его наградили салаги на службе. За удобу, высокий рост, прожорливость и привычку раскачиваться, если что-то рассказывал или размышлял, они прозвали его Питоном, за что он их, всех оптом, окрестил бандерлогами. Ради их подготовки Бражников как раз и уговорил сержанта задержаться еще на три дня. Это, конечно, стоило нервов.

Зато теперь все волнения позади, а денег в кармане после покупки вожденного смартфона осталось достаточно, чтобы в пути угостить пивком понравившуюся девчонку. Ясно было, что первую встречную вряд ли сразу получится уговорить на секс, но Еремееenko настолько истосковался по женскому обществу, что готов был проставиться только за одну лишь возможность задушевной беседы с представительницей противоположного пола. К сожалению, кандидаток на приятное вечернее времяпрепровождение в вагоне, похоже, не наблюдалось, хотя он и был набит до отказа. Пассажиры ехали по большей части компаниями, девушки под присмотром кавалеров или мужей, мамы под не менее бдительным присмотром детей школьного возраста, пожилые пары погреть косточки у теплого Черного моря, мускулистые спортсмены, обсуждающие достоинства анапского виндсерфинга, краснолицые парни с заметным украинским акцентом, ожидающие возможности тяпнуть по сто пятьдесят граммов водочки, хмурые молчаливые кавказцы, недобро взирающие на всех, кто останавливал взгляд на их заматанной в хиджаб подруге. В этих взглядах читалась сакраментальная фраза из фильма

Андрей Звонков, Дмитрий Янковский

про «Неуловимых мстителей»: «Она нэ танцует!» Одинокая девушка подходящего возраста в обозримом пространстве наблюдалась всего одна. Она тоже, судя по взглядам, искала, с кем познакомиться, но в ней было, наверное, под центнер веса, и ее не хотелось рассматривать в качестве сексуального объекта.

Оставалось лишь распаковать купленный перед отъездом смартфон и посмотреть, для чего он годится без подключения к Интернету. Симка в смартфоне еще не стояла, ее купить можно только дома, выбрав подходящий местный тариф. Зато даже без симки этот смартфон не только полностью отвечал представлениям о крутизне, но и стал для Еремеенко чем-то вроде памятного знака обретенной свободы после увольнения со срочной службы. Первая гражданская покупка.

Однако, просмотрев фабрично установленные приложения, Еремеенко ничего интересного для себя не обнаружил. Программы носили либо служебный характер, либо не работали без подключения к Интернету. Оставалось только испробовать камеру, которая, судя по маркировке, имела аж сорок мегапикселей! Но оставалось найти объекты съемки, чтобы оценить качество снимков. Фотографировать особо было нечего, а поиграться с новым приобретением очень уж хотелось, поэтому, выключив в настройках звук затвора и делая вид, что читает с экрана, Еремеенко сделал снимок пассажиров, находившихся в зоне видимости. Условия освещенности были не очень, но именно это позволяло адекватно оценить качество камеры. Правда, на первой фотографии все получилось размазанным. Пришлось чуть поправить настройки и сделать еще один снимок. Он получился великолепным.

Еремеенко поразился, насколько ярким, четким и контрастным он выглядел. Но Алексей тут же заподозрил под-

Чумной поезд

вох. Что, если он так сочно отображается только на экране данного смартфона? Он уже слышал о таких уловках производителя. Стоит просмотреть фотографии на любом другом устройстве, и вся красота исчезает, фотографии становятся самыми обычными блеклыми и не очень резкими. Делать все равно было пока нечего, и Еремеенко решил проверить догадку. Он вынул карту памяти из флагманского смартфона, вставил ее в свой заурядный копеечный «рукоблудник», а та, что стояла там, временно заняла место в шикарном девайсе.

Запуская галерею фотографий, Еремеенко волновался, боясь, что результат его не порадует. Но обошлось, сделанная фотография отлично смотрелась и на старой машинке. Бодрое расположение духа вернулось к сержанту, но больше новый смартфон пока не для чего было применить. Толк от него будет лишь по приезду, когда удастся скачать несколько интересных приложений. С сожалением выключив смартфон, чтобы попусту не сажать аккумулятор, Еремеенко снова уставился в окно.

После выхода поезда из московской санитарной зоны открыли туалеты, и началось брожение пассажиров. Проводница собрала билеты, укладывая их в папочку, согласно занятым местам.

— Из экспедиции, наверное? — чуть улыбнувшись, спросила она, глянув на Еремеенко.

— С чего вы взяли? — несколько опешил тот.

— Опыт! — ответила она. — В глазах возвращающихся с вахты какое-то время сохраняется огонь желания жить полной жизнью.

«Ни хрена себе завернула», — подумал Алексей.

— Вы на философском учились? — не скрывая иронии, спросил он вслух.

— С моей работой не нужно ни философского, ни психологического.

Андрей Звонков, Дмитрий Янковский

Она зачем-то подмигнула и двинулась дальше по вагону, собирая билеты.

Еремеенко призадумался, глядя ей вслед. А что, если это не просто философия, а попытка заигрывания? Маловероятно, но, в принципе, объяснимо. Существуют ведь нимфоманки. И для них трудно придумать работу лучше, чем проводницей. Договорилась с любым понравившимся мужчиной, заперлась с ним в купе, и твори что хочешь. Понятно, что это лишь в теории, но чего бы она вообще стала разговаривать с одиноким парнем? И почему именно с ним? На взгляд Еремеенко, это можно было объяснить двумя причинами. Во-первых, почти все мужчины в вагоне ехали с женщинами. Исключение составляли лишь двое украинцев и четверо виндсерферов, гоняющихся за морскими ветрами. Но украинцев, истосковавшихся по качественному алкоголю, судя по бегаящим глазкам, больше интересовала возможность тяпнуть рюмашечку, а спортсменов в вагоне было всего четверо, и с любым из них было сложно побеседовать с глазу на глаз с целью соблазнения.

У Еремеенко чаще забилося сердце. Неужели удача сразу ему улыбнулась в лице доступной женщины с отдельным купе? Поверить в это сложно, но надо быть полным идиотом, чтобы никак не отреагировать на такой шанс. И хотя проводница не выглядела журнальной красоткой, но было ей около тридцати и фигурка вполне себе ничего. Кроме того, после годичного воздержания Еремеенко значительно снизил свои критерии к противоположному полу.

Проводница не успела разложить белье, пока поезд готовился к подаче на запасном пути, что характерно для сборных и дополнительных составов, поэтому прошлась по вагону второй раз, чтобы раздать пассажирам забытые ею пакеты. И снова улыбнулась Еремеенко, протянув пакет

Чумной поезд

с бельем!¹ Это точно никак не могло быть случайностью, и очень хотелось верить, что это совсем не случайность.

«Задорный перепихончик мне сегодня точно не помешает, — подумал Еремеенко, ощущая, как кровь разгоняется в жилах. — Наверняка бы и доктор прописал в лечебно-профилактических целях!»

— Молодой человек, пожалуйста, помогите достать матрац! — обратилась к Еремеенко худощавая женщина из соседнего плацкарта, путешествующая с мальчиком лет десяти.

Сержант отвлекся от приятных мыслей, соскользнул с верхней полки и помог разобраться с матрацами не только просившей даме, но и одинокой толстушке, то и дело бросающей на него заинтересованные и смущенные взгляды. Та была одета в простенькие легкие штаны с большими карманами и в темно-красную футболку навывпуск. На ее счет Еремеенко как раз никаких идей не имел, но если фортуна повернулась к нему лицом, непременно стоило совершить что-то доброе, например, помочь тем, к кому жизнь оказалась менее благосклонной.

— Спасибо... — Толстушка еще больше смутилась от оказанного внимания.

Выполнив долг, Алексей подумал, что пока пассажиры не улягутся, соваться на разведку к проводнице смысла нет, все равно им не удастся побыть наедине в закрытом купе. С другой стороны, надо было как-то ей дать понять, что он понял ее сигнал и готов на ответные действия. Нужно было как-то завязать разговор и затронуть деликатную тему, и сделать это надо быстро, пока она не раздала все белье и не направилась обратно к себе. Можно было у нее что-то

¹ Сейчас обычно белье уже лежит на полках (деньги за белье входят в цену билета!).

Андрей Звонков, Дмитрий Янковский

купить, но нечто такое, на что деньги не окажутся выкинутыми попусту. Пиво? Нет, пиво нельзя, он ведь выпил таблетку от простуды¹. Чаю? Чаю не хотелось совершенно. И тут приступ великодушия подсказал ему верный ход.

— Шоколадку хотите? — напрямую спросил он у толстушки.

— Вы серьезно? — Девушка опешила от неожиданности.

— Вполне.

— Тогда лучше вафельку, — осторожно попросила она.

«Вафельку! — подумал Еремеенко, едва сдерживаясь, чтобы не приснуть смехом. — Очуметь».

Но ход оказался дельным. Когда проводница по пути обратно в свое купе поравнялась с Еремеенко, он спросил:

— А сладенькое у вас что-нибудь есть? Например, вафли?

— Конечно. Шоколад, печенье, крекеры, вафли.

— Замечательно. — Еремеенко удовлетворенно кивнул и поднялся с полки.

— Ну, тогда идемте. — Проводница пропустила Еремеенко вперед.

Не заходя в ее купе, он подождал в дверном проеме, когда она достанет с полки упаковку с вафлями.

— Нашел, кого угостить? — напрямую спросила проводница, пока никого не было рядом.

— Тьфу, глупости? Вы ее видели? Это же предлог, чтобы с вами поговорить тет-а-тет. У нас в экспедициях со сладеньким большие проблемы. Можно сказать — катастрофическое положение!

— Это я в курсе. Ты, похоже, не из тех, кто женщинам предпочитает водку. Даже пива себе не купил.

¹ Распространенное заблуждение. Пиво не убивает лечебного эффекта антибиотика, а вот витамины В, которые в нем есть (если это живое пиво), как раз помогают триметаприму (главный лечебный агент бисептола) легче убивать бактерии и тормозить их размножение.

Чумной поезд

— У вас глаз — алмаз!

— Можно на «ты», — предложила проводница. — А то я и так рядом с тобой себя ощущаю одновременно бабушкой и педофилкой. Меня зовут Анна, можно Аня.

— Меня Алексей. На одну букву начинаемся.

— Ага. Лишь бы ты, начавшись на «а», на ней бы и не кончился.

— Скорее уж в ней, — осмелев, ответил Еремеенко, получая удовольствие от столь откровенной двусмысленности.

— Да, парень, похоже, припекло тебя не на шутку. Мне это в тебе нравится. Как пассажиры улягутся, давай приходи тихонько ко мне в купе. Будет тебе полный набор сладостей. Только не усни.

— Ага, конечно. После такого предложения у меня внутренний будильник уже начал звонить и сам не отключится.

— Вафельку не забудь. — Аня протянула упаковку. — А то девочка дважды расстроится.

— Не расстроится. Раз такое дело, я, с твоего позволения, свожу ее в ресторан. Очень хочется кого-то благодетельствовать.

— Ну, валяй. А то замаешься время коротать.

Возвращался на свое место Еремеенко как на крыльях.

«Не показалось, — думал он. — Не померещилось! А она очень даже ничего!»

В какой-то момент эротические фантазии в виде мечтаний о предстоящем так захлестнули его, что пришлось выправить футболку, чтобы физиологическое отражение хода его мыслей не стало заметно окружающим. Но от толстушки это не ускользнуло, когда она брала из рук Еремеенко угощение. Она посмотрела на него одновременно со смущением и с надеждой.

Андрей Звонков, Дмитрий Янковский

«Похоже, что девочка изголодалась не меньше, чем я, — подумал сержант. — Но ей намного труднее. Жалко ее. Только утешить, как ей бы хотелось, сейчас я точно не смогу».

— Слушай, а зачем ты будешь аппетит перебивать? — неожиданно для самого себя спросил Еремеенко. — Пойдем сходим в вагон-ресторан и возьмем курочку-гриль. Хочешь? А то я даже не обедал толком и тем более не ужинал.

Как только Еремеенко заговорил о еде, проснулся его питоний желудок, занял сладкой болью, напоминая о себе.

Впрочем, эта идея родилась не на пустом месте. Во-первых, проводница была права, время до встречи надо как-то скоротать. Во-вторых, перекусить все равно хотелось, и уж лучше поесть нормально, чем давиться всухомятку печеньками. В-третьих, смолотить целую курицу в одно горло хотя и было Еремеенко по силам, но зачем в себя запихивать хорошую еду, если можно ей поделиться и получить дополнительное удовольствие от собственного великодушия. В-четвертых, опять же в компании все-таки лучше, чем одному.

— Ой... Правда? — Толстушка округлила глаза.

— Конечно. Я Алексей. А тебя как зовут?

— Карина. Подожди, я вещи переложу.

— Давай помогу, Карина. Красивое имя. В роду есть армяне?

— По маминой линии. — Девушка кивнула.

Они вдвоем быстро уложили вещи Карины в багажный отсек под полкой и направились к вагону-ресторану. Поезд катился мягко, по «бархатному пути», без стыков, но все равно вагоны раскачивало из стороны в сторону. В тамбурах слышался грохот колес, а металлический пол ходуном гулял под ногами. Поезд подъезжал к Голутвину, и вагоны, сбавив скорость, бились на стрелках.

Чумной поезд

— Ой! — Карина пошатнулась, но Еремеенко успел подхватить ее под локоть.

«Она хоть и толстенная, но прикольная, — подумал он. — Вся словно светится изнутри».

Мысль была непривычной и совершенно несвойственной для Еремеенко. Никогда раньше он не пытался посмотреть на женщин иначе, чем на объект исключительно сексуальный. Но тут его мировоззрение словно дало сбой, и выходило, что с Кариной, несмотря на ее явно избыточный вес, не только можно пообщаться, но и получить от этого удовольствие. Подумалось даже, что если бы жизнь не столкнула их в поезде, в качестве случайных попутчиков, если бы они встретились в каком-нибудь другом месте или при других обстоятельствах, Еремеенко был бы не прочь завести с Кариной обычные дружеские отношения. Не спать с ней, конечно, — это уж чересчур, а вот затусить на пару, может быть, сходить куда-нибудь было бы прикольно.

— Постой... — Карина придержала его за руку посреди очередного перехода между вагонами. — Скажи, зачем ты это делаешь? Или почему?

Ее слова едва можно было разобрать из-за грохота колес.

— В каком смысле? — Еремеенко сделал вид, что не понял.

— Ну... Я ведь толстая, думаешь, я не знаю? — напрямик спросила Карина. — Зачем это все?

— Смеешься? — Еремеенко широко улыбнулся. — Ты классная. Я тебя знаю десять минут, а уже жалею, что мы не из одного города.

— Это ты смеешься надо мной. — Карина поджала губы. — И мне непонятно зачем.

— Да нет. Правда! — На перестуках Еремеенко приходилось говорить громко, почти кричать. — Сначала мне